

В.Н. Шкунов

Аборигенное население Дальнего Востока в российско-японской торговле в XVIII—XIX вв. (по дореволюционным источникам)

Аннотация. Статья посвящена определению роли и значения участия коренных народов Дальнего Востока в становлении и развитии российско-японской торговли на протяжении XVIII—XIX вв. Традиционные промыслы аборигенов Дальневосточного края представляли несомненный интерес для русских предпринимателей, стремившихся к расширению торговых связей с соседней Японией. До заключения Симодского договора в 1855 г. нуждавшиеся в необходимых товарах российские купцы прибегали к посредническим услугам айнов, обменивавших японские товары на отечественные. В статье приводятся конкретные факты опосредованного участия аборигенов Дальнего Востока в российско-японской торговле, сведения о товарах, ценах, каналах поставок и пр. Отмечены изменения в жизни аборигенного населения под воздействием меновой торговли, переход к оседлости, заимствования традиций быта от русских жителей, переориентация на новые промыслы с учетом потребностей внешней торговли. В частности, раскрыты особенности традиционных промыслов аборигенов Дальнего Востока: тазов, негидальцев, ороков, нивхов, гиляков, тунгусов, гольдов, ороحوнов и др., а также способы их включения в меновую торговлю и реализацию предметов традиционных промыслов на японском рынке. Особый акцент в статье сделан на участии в российско-японской торговле айнов, подданных Японии и Российской империи, отмечены особенности отношения российских и японских властей к айнам, их взаимодействие с отечественными предпринимателями. Также отмечено участие корейцев и китайцев, проживавших на территории российского Дальнего Востока, в российско-японской торговле. Подчеркнута значимость реализации отечественными предпринимателями на японском рынке пушнины, рыбы, морепродуктов, морской капусты, женьшеня, морского зверя, полученных в ходе меновой торговли от коренных жителей Дальнего Востока. Представлен анализ двусторонних межгосударственных договоров в сфере торговли между Российской империей и Японией в рассматриваемый период. В статье использованы редкие дореволюционные архивные документы, а также источники на русском, английском, французском, испанском, немецком языках.

Ключевые слова: Япония, Хоккайдо, Российская империя, внешняя торговля, айны, товары, экспорт, импорт.

Автор: Шкунов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра РАН (адрес: Россия, 443001, Самара, Студенческий пер., 3А). ORCID: 0000-0002-0311-9061. E-mail: orientru@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шкунов В.Н. Аборигенное население Дальнего Востока в российско-японской торговле в XVIII—XIX в. (по дореволюционным источникам) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 53—68.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-53-68.

V.N. Shkunov

The aboriginal population of the Far East in the Russian-Japanese trade in the 18th—19th centuries (based on pre-revolutionary sources)

Abstract. The article is devoted to the definition of the role and importance of the participation of the indigenous peoples of the Far East in the formation and development of Russian-Japanese trade during the 18th — 19th centuries. The traditional crafts of the aborigines of the Far Eastern Territory were of undoubted interest to Russian entrepreneurs who sought to expand trade relations with neighboring Japan. Before the conclusion of the Treaty of Shimoda in 1855, Russian merchants in need of certain goods resorted to the intermediary services of the Ainu, who exchanged Japanese goods for Russian ones. The article provides concrete facts about the indirect participation of the aborigines of the Far East in Russian-Japanese trade, information about goods, prices, supply channels, etc. It notes the changes in the life of the aboriginal population under the influence of barter trade, their transition to settled life, borrowing of traditions of everyday life from Russians, and their reorientation to new occupations, influenced by the needs of foreign trade. In particular, it discusses the specific features of traditional occupations of the aborigines of the Far East: the Taz, the Negidals, the Oroks, the Nivkh, the Gilyaks, the Tungus, the Goldi, the Orochen, etc., as well as ways of their involvement in barter trade and realization of products of traditional crafts in the Japanese market. The article specifically focuses on the participation of the Ainu subjects of Japan and the Russian Empire in Russian-Japanese trade, notes the peculiarities of the attitude of Russian and Japanese authorities to the Ainu, their interaction with Russian entrepreneurs. It also notes the participation of Koreans and the Chinese residing in the Russian Far East in Russian-Japanese trade. The article emphasizes the importance of Russian entrepreneurs' selling furs, fish, seafoods, seaweed, ginseng, marine mammals products obtained through barter trade from the Far Eastern aborigines in the Japanese market. It analyzes the bilateral international trade treaties between the Russian Empire and Japan in the studied period. The article uses rare pre-revolutionary archival documents, as well as sources in Russian, English, French, Spanish, and German.

Keywords: Japan, Hokkaido, Russian Empire, foreign trade, Ainu, goods, exports, imports.

Author: *Shkunov Vladimir N.*, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (address: 3A Studenchesky Lane, Samara, 443001, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0311-9061. E-mail: orientru@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Shkunov, V.N. (2025). Aborigennoe naselenie Dal'nego Vostoka v Rossijsko-yaponskoi torgovle v XVIII — XIX vv. (po dorevolutsionnym istochnikam) [The aboriginal population of the Far East in the Russian-Japanese trade in the 18th — 19th centuries (based on pre-revolutionary sources)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 53—68. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-53-68.

Введение

История становления и развития российско-японской торговли — поучительная страница внешней торговли Российской империи в XVIII—XIX вв. Активное освоение Дальнего Востока, отдаленность региона от промышленных и торговых центров страны стимулировали интерес местного населения к соседним странам и народам. Доставка необходимых товаров из Европейской части и Урала была долгой по времени и дорогостоящей по логистическим расходам. Именно поэтому жители Камчатки, Приморского края и других регионов Дальнего Востока были заинтересованы в прямых поставках нужных товаров из соседней Японии. Однако достижению этой цели препятствовали изоляция страны, установление полного запрета на торговлю с иностранными государствами, болезненная реакция японских властей на укрепление позиций Российской империи на Дальнем Востоке. Вместе с тем, как мы уже неоднократно подчеркивали в наших публикациях, внешняя торговля даже в самых неблагоприятных условиях проявляла исключительную живучесть, способность преодолевать всевозможные препятствия. Если русские купцы не могли напрямую участвовать в торговле с Японией, они прибегали к посреднической роли айнов, проживавших на острове Сахалин, Курильских островах, а также на Хоккайдо. Именно айны в рамках меновой торговли стали поставлять российским предпринимателям некоторые японские товары. Вместе с открытием Японии и заключением Симодского договора во внешнеторговые связи Российской империи с Японией стали активно вовлекаться другие коренные народы Дальнего Востока, главные поставщики пушнины, меда, рыбы и рыбопродуктов, морепродуктов, продуктов морского звероловства, женьшеня, маралых пантов и т. д. Потребности внешней торговли России вносили существенные изменения в промыслах, быте коренных народов региона, религии, языковой культуре и т. д.

Несмотря на значительный пласт специальной литературы, посвященной истории коренных народов Дальнего Востока, вопросы их опосредованного участия в российско-японской торговле в рассматриваемый период остаются до сих пор малоизученными. Практически не исследована роль аборигенного населения Дальнего Востока (тазы, негидальцы, ороки, нивхи, тунгусы, гиляки, орочны, гольды и др.) в развитии российско-японских торгово-экономических отношений в рассматриваемый период. Нашей статьей мы проливаем свет на эти малоизученные страницы отечественной истории.

Автор настоящей статьи также неоднократно обращался к данной теме, исследуя, в частности, роль коренных народов (прежде всего, айнов) в становлении и развитии российско-японских торгово-экономических отношений в XVIII—XIX вв.¹

¹ Шкунов В.Н. Айны как посредники в торговых контактах России и Японии в XVIII — первой половине XIX в. // Время, события, исторический опыт в дискурсе современного историка: XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Н.-Новгород, 2009. Ч. 1. С. 316—320; Шкунов В.Н. Государственно-правовое регулирование российско-японских отношений и двусторонняя торговля в середине — второй половине XIX в. // История государства и права. 2011. № 15. С. 46—48; Шкунов В.Н. Торговля России и Японии в последней чет-

Статья дает стимул к проведению дальнейших междисциплинарных исследований в сфере экономической истории России, акцентирует внимание на учете этноконфессиональных особенностей организации внешней торговли на дальневосточных рубежах Отечества в рассматриваемый период.

Коренные народы Дальнего Востока в развитии российско-японской торговли

В XVIII в. сведения о Японии поступали в Россию от европейских путешественников и ученых. Интерес к Стране восходящего солнца усилился в России в связи с активным освоением региона Дальнего Востока. Этот интерес был вызван естественными причинами: новые регионы освоения находились в большом отдалении от отечественных промышленных и торговых центров, а потребность в необходимых товарах (промышленные и мануфактурные изделия, продукты питания, предметы быта и пр.) вызывали необходимость в установлении прямых контактов с соседними странами и народами. В этом отношении Япония представляла особый интерес. В работах Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, Н.Г. Спафария и др. приводились сведения о Японии, ее жителях. Так, адмирал И.Ф. Крузенштерн в своей работе отмечал интерес айнов к установлению прямых торговых контактов с русскими: айны посещали русские острова с торговыми целями, чему препятствовали японские власти [Айны 1835, с. 306]. В.М. Головин также упоминал об айнах, отмечая, что «...теперь четыре века, как японцы торгуют с ними...» [Головин 1864, с. 372]. Японцы доставляли айнам рис, табак, сакэ, саго, хлопчатобумажную и шелковую одежду, сабли и т. д.

В самом начале XIX в. (20 февраля 1803 г.) Министр коммерции Российской империи Н.П. Румянцев представил императору Александру I записку «О торге с Японией», в которой подчеркивалась значимость японского рынка для развития Приморского края, предлагались конкретные меры по установлению торговых отношений с Японией¹.

И.Ф. Крузенштерн, посетивший Хоккайдо с 26 сентября 1804 г. по 5 апреля 1805 г., упоминал о посещении русских айнами, доставлявшими для обмена на русские товары сушеные сельди, а также о встрече с японским судном в заливе Анива, которое доставило груз с солью и рисом из Осаки для обмена на сушеную рыбу и меха у сахалинских айнов. О торговых связях японцев с айнами писал и чиновник Мамя Риндзо (экспедиция 1807—1809 гг.), отметивший, что для айнов «торговля занимает очень важное место в их жизни, поскольку дает средства к существованию» [Cullen 2003, p. 157]. Также автор заметил, что айны приезжа-

верти XIX века // Тринадцатые Ознобишинские чтения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (30 июля 2015 года). Инза-Ульяновск: УлГУ, 2015. С. 88—90; Шкунов В.Н. Роль коренных народов Дальнего Востока в становлении и развитии российско-японской торговли в XVIII—XIX вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. № 6. С. 11—17; Шкунов В.Н. Ведущие центры внешней торговли Японии и российские торговые интересы в 60—70-е гг. XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2017. Т.19. № 3 (2). С. 327—331.

¹ АВПРИ. Ф. СПб. ГА, 1-7. Оп. 6, 1802 г. Д 1, П. 2. Л. 6-9 об.,

ли в Сирануси для торговли с японцами и имели меновую торговлю с сантанами, ороками и сумеренкуру.

Как отмечали отечественные исследователи, «главной причиной захвата южной части Сахалина японцами» было обилие сельди в прибрежных водах [Восточные окраины 1895, с. 243]. Действительно, на протяжении нескольких десятилетий сельдяной промысел в прибрежных водах Сахалина играл особую роль в российско-японской торговле. Как отметил профессор Н. Слюнин в 1895 г., «устройство сельдяного промысла на Сахалине будет способствовать уменьшению ввоза (на сумму ежегодно теперь до 7 млн руб.) иностранной селедки, а солено-вяленая треска и лососина могут иметь громадный сбыт в Китай и Японию как любимая пища народа». [Слюнин 1895, с. 2]. Кроме сельди, с Камчатки в Японию поступало много соленой и сушеной трески. Промыслом на полуострове занимались преимущественно камчадалы, а в последней четверти XIX в. так называемые трескопромышленники. Вылов трески осуществлялся преимущественно в водах у западного берега Сахалина. В начале 1890-х гг. в Японию с Сахалина доставлялось около 10 тыс. пудов трески (владивостокский купец Семенов) [Слюнин 1895, с. 82]. Кроме того, айны Сахалина добывали семгу, кету, чавычу и другие виды рыбы, которая экспортировалась в Японию.

Ценные сведения о торговых связях сахалинских айнов сохранились в воспоминаниях первого начальника Сахалина (1853—1854 гг.) Николая Васильевича Буссе. В частности, автор упомянул о существовании торговых связей айнов, нивхов и ороков с маньчжурами еще до появления японцев на Сахалине. В ходе меновой торговли коренные народы острова получали от маньчжуров одежду, различную домашнюю утварь, табак, вино, оружие. Эти торговые связи сохранялись до середины XIX в. С приходом же японцев условия существенно изменились, поскольку деятельность их на острове больше напоминала спекуляцию, «основанную на силе» [Буссе 1872, с. 72]. Именно японцы установили новые правила меновой торговли на Сахалине: теперь вся мена осуществлялась под пристальным контролем японского офицера. При этом выменянные у айнов товары японцы с большой выгодой для себя сбывали маньчжурским купцам в Сирануси и Нойоро. Взяв под контроль промысловую деятельность айнов, японцы запретили им вступать в меновую торговлю с русскими, нивхами, ороками и маньчжурами. Однако русские торговцы смогли обойти все японские запреты и завели меновую торговлю с айнами. Более того, сами японцы вскоре вынуждены были начать торговлю с российскими подданными, продавая последним уголь, рыбу, овощи и другие продукты питания.

Японцы на острове расширяли свою предпринимательскую деятельность. Более того, поскольку у них не хватало собственных сил, они все чаще прибегали к услугам айнов: «...японцы для производства в больших размерах столь выгодной по берегам Сахалина рыбной ловли принуждены были прибегать к помощи айнов» [Шренк 1883, с. 76].

К концу XIX в. на севере Сахалина промысел зверей вели кочующие якуты и тунгусы, а на западном берегу острова, а также в долине рек Пильво и Тымь промышляли гиляки. В низовьях и в среднем течении реки Пильво жили орочане. Все эти аборигенные народы поддерживали тесные связи как с российскими

предпринимателями, так и с японцами, от которых они получали необходимые товары в обмен на пушнину, рыбу, морепродукты, морских животных и пр.

В первой половине 1850-х гг. остров Сахалин все больше привлекал внимание российских властей. С одной стороны, Россия стремилась обезопасить свои дальневосточные рубежи от проникновения иностранцев (прежде всего, американцев); с другой стороны, остров представлял несомненный интерес для российских предпринимателей с чисто торгово-экономических позиций. Коренные жители острова вели здесь активную охоту на медведей, оленей, соболей, волков, лисиц, зайцев и водоплавающую птицу. При этом между собой они также вступали в меновую торговлю. Например, нивхи меняли айнам товары, приобретенные ими у русских (в Петровске) и у маньчжуров [Буссе 1872, с. 85]. Вместе с тем, к концу 1880-х гг. количество аборигенного населения на Сахалине значительно сократилось: в 1889 г. количество гиляков, ороchon и айнов оценивалось всего в 4300 человек [Кириллов 1894, с. 362]. Уменьшение коренных жителей острова объяснялось миграционными процессами: аборигены переселялись в иные места Дальнего Востока, где для них были лучшие условия для жизни и промыслов. Так, ороchоны нашли удобное местожительство в долине реки Синель (приток Буреи), где охотились на кабанов, лосей и косуль. Поселились они и в верхнем течении реки Бикин. Здесь они жили по соседству с манзами (манзы — уссурийские китайцы), при этом сохраняли традиционный уклад (жили в юртах, в то время как манзы — в избах).

Власти Сахалина уделяли особое внимание развитию пушного промысла, защите участков промысла коренных народов острова, выделению им ареалов добычи зверя и пр. Военный губернатор Сахалина в конце 1880-х — 1890-е гг. издал целый ряд законодательных актов в этой сфере, в том числе по активному освоению природных богатств острова¹.

В середине XIX в. японские товары стали активно проникать на рынки Приморья. Сюда доставлялись некоторые продукты питания (рис, чай, овощи, рыба и пр.), хлопчатобумажные и шелковые ткани и изделия, табак, камфара, фарфоровая и лакированная японская посуда и пр. В свою очередь из Российской империи в пределы Японии вывозились свинец, цинк, конопля, некоторые шерстяные изделия и т. д. [Ravenstein 1861, p. 412]. Это способствовало вовлечению в меновую торговлю коренных жителей Приморья: нивхов, эвенков, уличей, негидальцев, удэгейцев, орочей, которые меняли добытую пушнину на рис, муку, чай и другие продукты питания, оружие, рыболовные снасти, ткани, одежду и пр. В Приморском крае в то время было немало китайских и маньчжурских поселений, в том числе торговцев, которые осуществляли меновую торговлю с гольдами (нанайцами). «При Уссури есть несколько гольдовских селений, но крайне незначительных. Зато при устье каждой речки или против устья есть китайские юрты, где живут торгаши-китайцы» [Носков 1865, с. 25]. Подробные сведения о гольдах и орочах привел в своем сочинении И. Надаров [Надаров 1887]. Здесь же, в долине реки Уссури нанайцы добывали много соболя и хорька, шкуры которых

¹ Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф.20-и «Канцелярия Военного губернатора острова Сахалин». Д. 29.

продавали китайцам. Цена 1 шкурки соболя была от 3 до 5 руб., а хорька — от 30 до 50 коп. [Носков 1865, с. 31].

Российские власти уделяли особое внимание развитию судоходства по Амуру. Эта река рассматривалась сибирским и дальневосточным купечеством как важнейший транспортный путь для доставки товаров в сопредельные страны Азии: «... предметов, которые можно было бы привозить на Амур морем из Японии и Китая, было бы довольно» [Носков 1865, с. 46].

С 1858 г. особые надежды возлагались на учрежденную Амурскую компанию. Именно она «должна была стараться о распространении собственной торговли через внешние сношения с Китаем и Японией» [Носков 1865, с. 53]. Однако дела у компании шли не очень хорошо: практически все ее корабли, отправленные «кругом света», терпели крушение в лимане между заливом Де-Кастри и Николаевским портом. Товары, доставляемые из Японии (порт Хакодате находился в двух днях пути), были востребованы в Приморье не только среди русского населения, но и у коренных народов края. Так, большим спросом пользовалась японская соль, которая стоила 8 коп. за 1 пуд. Соль использовалась аборигенным населением для посола рыбы, выделки шкур добытых животных и т. д.

Во внешнеторговые связи России с Японией были вовлечены и другие коренные жители Приморья — тазы. Они также поддерживали тесные торговые контакты с китайцами. Тазы традиционно занимались рыболовством (в основном, ловом лососевых пород), охотой (на пушных зверей, изюбра, лосей и т. д.), заготавливали женьшень, добывали морскую капусту, трепангов, морских грешков. Все это они сбывали на иностранные суда. Только морской капусты они поставляли в Японию и Китай до 600 тыс. пуд. [Боголюбский 1876, с. 44]. Примечательно, что со временем Япония стала реэкспортировать российскую морскую капусту в Китай из портов Нагасаки и Кобе (преимущественно в Тяньцзинь). В одном из источников читаем: «С развитием русской колонизации на тихоокеанском побережье капустный и трепанговый промыслы должны, несомненно, перейти в руки русских, которые при правильной постановке дела легко явятся главными поставщиками морской капусты и трепангов». [Покотилов 1895, с. 153]. Кроме того, российские власти и предприниматели особое внимание обращали на увеличение добычи и экспорта дальневосточного женьшеня и маралых рогов в противовес расширявшемуся экспорту американского культивируемого женьшеня. В поставках природного женьшеня и пантов особую роль играли коренные малые народы Дальнего Востока.

Негидальцы, традиционно занимавшиеся охотой, рыболовством и морским промыслом, также сбывали свою продукцию преимущественно русским торговцам в обмен на необходимые товары. Они добывали соболя, лисиц, выдр, а также тюленей. В вылове рыбы у них преобладали кета и горбуша [Кириллов 1894, с. 268—269]. Для морского промысла негидальцы уходили к побережью Охотского моря (Ульбанский и Тугульский заливы). Близ негидальцев жили самагиры и ольчи, которые также занимались охотой и промыслами. Так, ольчи «при выборе места для своих поселений в чужой стране руководствовались близостью родственного им племени негидальцев и, вместе с тем, надеждой на легкую и выгодную с ними торговлю» [Шренк 1883, с. 32]. Несмотря на наличие примитивной

меново́й торговли между аборигенными народами края, продукты их промыслов рано или поздно попадали в руки русских и китайских торговцев. Последние же находили способы сбыта этой продукции японцам.

Дальний Восток во второй половине 1860-х гг.: новые реалии и вызовы

Продажа Аляски, утрата Россией Алеутских и других островов кардинально изменили ситуацию на Дальнем Востоке. Российские власти столкнулись с новыми проблемами и вызовами. Отчасти это было связано с наступательной, порой даже агрессивной политикой США в северной части Тихого океана. В Санкт-Петербурге и Приморье с тревогой восприняли заявление бывшего министра финансов США Р.Д. Уокера, который в своем письме 1868 г. к Госсекретарю У. Сьюарду прямо заявлял о необходимости доминирования в Тихом океане. Такой подход, по мнению американского политика, призван был обеспечить «политический и коммерческий контроль над миром» [История 1999, с. 477]. В этих условиях российские власти должны были позаботиться о защите интересов государства на дальневосточных рубежах, а также интересов отечественных купцов в этом макрорегионе мира. Менялась отечественная политика и в отношении коренных народов Дальнего Востока. В первую очередь, это касалось айнов. Теснимые японцами, они все больше устремлялись на север. При этом вся жизнь народа представляла «бесконечный ряд восстаний айнов против японского ига, перемежающихся с более мирными отношениями к японским рыбопромышленникам» [Киридов 1898, с. 41].

Айны активно вовлекались в торговые отношения. Причем эта деятельность приобретала все более многоступенчатый характер. Так, айны обменивали у гилляков с севера Сахалина соболя, жир и шкуры морских животных на китайские и маньчжурские товары (в основном, ткани и украшения), которые, в свою очередь, обменивали японцам на их товары [Кирилов 1898, с. 43]. Известный русский путешественник и знаток Востока М.И. Венюков отмечал, что нивхи и айны сбывали добытые им меха российским, японским и американским торговцам. Причем, нивхи часто отправлялись на лодках в южную часть Сахалина для приобретения у айнов мехов с целью их перепродажи российским купцам из Николаева [Венюков 1871, с. 8]. Автор полагал, что с ростом числа российских и японских предпринимателей на острове «торговля, особенно рисом, мукой и европейскими заводскими произведениями, должна значительно вырасти» [Венюков 1871, с. 12].

Со временем айны стали сближаться не только с японцами, но и с русским населением Сахалина, постепенно перенимая от них некоторые традиции и особенности быта (посещение бани, ношение русской одежды, посещение больницы, изучение русского языка и т. д.). Айны показали русским поселенцам места залегания каменного угля и добычи янтаря [Глен 1868, с. 118].

Важным событием в российско-японской торговле стало заключение 18 марта 1867 г. Конвенции между правительствами Российской империи и Японии о совместном использовании природных ресурсов Сахалина. Этим документом, в

частности, было определено право аборигенного населения острова на личную свободу и собственность, а также возможность поступать «в услужение к русским и японцам» [Венюков 1871, с. 40]. Также 11 декабря 1867 г. в Хакодате Россия и Япония подписали новую конвенцию о регулировании двусторонней торговли и тарифах. Однако заключение этих документов не сняло психологические барьеры во взаимоотношениях российских и японских торговцев, воздерживавшихся от прямых контактов. Более того, японцы настраивали айнов против дружбы с русскими и торговли с ними. Такая же позиция была у японских властей и купцов по отношению к нивхам, орокам, ульчам. Но коренные народы Сахалина руководствовались своими меркантильными интересами и часто пренебрегали «рекомендациями» японцев. Например, те же ульчи отправлялись для охоты в южную часть острова и впоследствии сбывали меха иностранцам.

Важным шагом на пути развития двусторонней торговли стало официальное оформление дипломатических отношений между Российской империей и Японией. В 1873 г. в Санкт-Петербурге была вручена верительная грамота Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Японии в России вице-адмирала Эномото Такэаки¹.

Со времен экспедиции Мартына Петровича Шпанберга к Курильским островам и берегам Японии в 1738—1739 гг. (вторая Камчатская экспедиция) усиливается интерес российских властей и предпринимателей к Курилам. Примечательно, что во время своего путешествия Шпанберг общался с айнами и обменивался с ними товарами. Местные жители островов, которых в Российской империи называли курильцами, находились в тесном общении с айнами Хоккайдо, откуда получали и японские товары. В частности, аборигены, проживавшие на южных островах Курильской гряды, использовали японскую одежду и ткани [Восточные окраины 1895, с. 206]. Главным занятием курильцев (айнов) были рыболовство, охота и морские промыслы: «Большая прибыль, получавшаяся от откупа рыбных промыслов, побудила японцев открыть торговлю с жителями Кунашира, Итурупа, Урупа и других южных Курильских островов [Восточные окраины 1895, с. 209]. Ускорение японской колонизации этих островов было ответом на появление русских в этом регионе.

С 1863 г. началось переселение корейцев в пределы Российской империи. Процесс этот был сложным и противоречивым. Первые корейцы селились близ самой границы Уссурийского края. При этом российские власти благосклонно восприняли новых мигрантов. Более того, зная, что на родине корейцев ждет суровое наказание за оставление отечества, российские власти не депортировали мигрантов. С этого времени начинается процесс интеграции корейцев в российское общество. К 1872 г. их насчитывалось уже примерно 8 тыс. человек [Вагин 1875, с. 21]. Со временем некоторые корейцы активно включились в торговую деятельность. На своей родине корейцы были ограничены во внешнеторговых операциях: сношения с японцами имели место исключительно на море в форме контрабанды. В России же корейцы получили полную свободу для предпринимательской деятельности. В 1884 г. российские власти заключили договор с Ко-

¹ АВПРИ. Ф. СПб. ГА, I-9. Оп. 8, 1873 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 26—27.

реей о взаимной торговле. К этому времени страна стала «открытой» для Японии и европейских держав. Это позволило увеличить реэкспорт японских товаров из Кореи в Уссурийский край [Шкунов 2015, с. 358—363].

В середине 1880-х гг. в связи с расширением импорта японские власти стали проявлять озабоченность по поводу состояния национальной внешней торговли. В июле 1886 г. в *The Japan Weekly Mail* отмечалось: «Желательно, чтобы правительство должным образом защищало внешнюю торговлю страны» [Okura 1886, p. 45].

В последней четверти XIX в. японский рынок стал местом настоящих коммерческих войн европейских держав. Заинтересованность в экспорте своих хлопчатобумажных, шерстяных и иных изделий в Японию побуждало правительства и предпринимателей США, Великобритании и других стран усиливать давление на японские власти, добиваться новых преференций и уступок, чтобы расширять вывоз своих товаров. Так, посол США в Японии, анализируя повышение объемов английского экспорта, отмечал необходимость расширить вывоз американских товаров, поскольку баланс торговли его страны с Японией был отрицательным: США закупали в Японии местных товаров в три раза больше, чем Великобритания [Japanese 1877, p. 266]. Россия также наращивала объемы торговли с Японией. Например, только в порт Нагасаки в 1886 г. прибыло 28 торговых судов, в 1887 г. — 25, в 1888 г. — 24, в 1889 г. — 25, в 1890 — 25, 1891 — 35, в 1892 г. — 45, в 1893 — 48, в 1894 г. — 51, в 1895 — 62, в 1896 — 86, в 1899 г. — 157 [Japan 1888, p. 27]. В британском издании того времени отмечалось: «Российское судоходство продолжает уверенно развиваться в ногу с развитием национальных интересов России в Восточной Азии и в сфере судоходства. Русское судоходство в порту Нагасаки в настоящее время занимает второе место, как по количеству, так и по тоннажу, после судоходства под британским флагом» [Japan 1888, p. 27]. Расширялся ассортимент российского экспорта в Японию: наряду с традиционными товарами отечественного вывоза заметное место в экспорте стала играть российская нефть. При этом уменьшалась доля традиционных отечественных товаров, которые российские купцы приобретали у аборигенного населения Дальнего Востока.

В сравнительно короткое время Владивосток превратился в важный торговый центр империи на Дальнем Востоке. Так, в 1894 г. торговые обороты города (при населении в 20,2 тыс. человек) составили 10 741 400 руб. [Забутин 1896, с. 22]. В этом же году из Японии в порты Приморской области было доставлено товаров на 1 020 348 иен [Забутин 1896, с. 38]. В пределы России доставлялись пшеница, мука, рис, соль, каменный уголь, некоторые готовые японские и европейские изделия.

Н.П. Забугин в своем сочинении точно подметил: «Как ни незначительны сами по себе наши торговые обороты по торговле с Японией, но постоянный рост их доказывает, что с японскими рынками у нас завязываются прочные торговые сношения» [Забутин 1896, с. 47]. Действительно, близость Японии и острая потребность Приморского края и иных территорий Дальнего Востока в продуктах питания, хозяйственных и иных товарах определяли важность российско-японских торговых отношений. Например, весь отечественный рыболовный

промысел в большой степени зависел от импорта японской соли. С каждым годом ее экспорт в Россию увеличивался. Соль в больших объемах закупали как местные рыбопромышленники, так и коренные малые народы.

Российские власти были заинтересованы в укреплении своих позиций на Дальнем Востоке. Это отчасти было связано с расширением промысловой деятельности иностранцев в акватории морей, омывающих территорию Российской империи. Так, в середине века американские, английские и французские компании вели обширный промысел китов в Охотском море, получая доход до 8 млн долл. Ежегодно только из США в акваторию Охотского моря для промысла прибывало не менее 200 промысловых судов. За период с 1847 по 1861 г. американцы вывезли из Охотского моря китового жира и уса на 130 млн долл. (180 млн руб.) [Восточные окраины 1895, с. 179]. Это привело к истощению ресурсов моря и вызывало понятную тревогу у российских властей. Российские предприниматели практически не участвовали в китобойном промысле, но акцентировали внимание на промысле других животных, в частности, на Курильских островах. Например, в целях расширения промысла в 1846 г. власти Российско-Американской компании даже переселили на остров Уруп алеутов.

В соответствии с Петербургским договором 1875 г. Россия и Япония обменялись территориями: Сахалин целиком переходил под управление Российской империи, а Курильские острова — к Японии. Это привело к непростому выбору подданства для местных айнов: часть из них (с островов Уруп, Симушир и Шумшу) отправились на Камчатку, а жители Парамушира остались в подданстве Японии. В соответствии со статьей 6 договора, японцы получали право беспрепятственно посещать порт Корсаков на Сахалине и порты Охотского моря и Камчатки в торговых целях без оплаты таможенных пошлин в течение 10 лет. Также японские рыболовецкие компании получали право лова рыбы у берегов российского Дальнего Востока. Это способствовало расширению торгового взаимодействия между Россией и Японией.

Установление прямого почтового, пассажирского и торгового сообщения между Владивостоком и портами Японии вывело торгово-экономические отношения Японии и Российской империи на новый уровень. В столице Уссурийского края поселились японские торговцы. Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Благовещенск стали местом притяжения японского купеческого капитала. В начале 1890-х гг. на долю Японии приходилось 13 % всех ввозимых иностранных товаров [Сибирь 1893, с. 246]. В это же время весь отпуск товаров через порт Владивостока оценивался в 3 млн руб. (продукты китового и моржового промыслов, морская капуста, панты маралов, лес, трепанги и пр.). Из приведенного списка видно, что на отпускную торговлю Владивостока значительная доля приходилась на предметы традиционных промыслов коренных народов Дальнего Востока. В 1891 г. в порт Владивостока прибыло 111 иностранных торговых судов (102 из них — пароходы), а в порт Николаевска — 33 (27 — пароходы) [Сибирь 1893, с. 247]. Примечательно, что значительная доля торговли во Владивостоке была сосредоточена в руках иностранцев (73 % всей торговли), при этом японцы и китайцы торговали в городе преимущественно товарами национального производства. Большие надежды местные и иностранные торговцы возлагали на строи-

тельство железной дороги в Приморском крае. Впервые ходатайство о ее сооружении было возбуждено еще в 1875 г. Строительство же Уссурийской железной дороги началось лишь в мае 1891 г.

Об уровне развития российско-японской торговли в 1890-е гг. свидетельствовал тот факт, что продавцы всех больших магазинов в Нагасаки говорили по-русски и охотно принимали к оплате русские рубли [Гребенщиков 1896, с. 269]. В японских лавках, магазинах приветливо встречали российских купцов и предпринимателей, путешественников и чиновников.

За сравнительно короткое время с начала эпохи Мэйдзи в Японии сформировалась коммерческая статистика европейского уровня, стали публиковаться отчеты о состоянии внешней торговли с разными странами мира, появились многочисленные публикации о внешнеторговых связях империи. В американской, российской и европейской прессе также публиковались аналитические статьи о состоянии японской внешней торговли. Так, в периодическом издании *The Board of Trade Journal* содержится богатый материал, характеризующий российско-японскую торговлю за разные годы [Statistical 1889, p. 100—104]. Ценный статистический материал, характеризующий внешнюю торговлю с зарубежными странами, включая Российскую империю, содержится в публикациях на английском, французском, испанском языках [Bourgarel 1891; Brauer 1873; Ravenstein 1861 и др.]. Все это свидетельствовало о повышенном внимании в мире к японскому рынку.

Заключение

Внешнеторговые отношения Российской империи и Японии прошли сложный и во многом противоречивый путь. Становление этих отношений начиналось с посредничества айнов, проживавших на Сахалине, Хоккайдо и Курильских островах. Симодский трактат открыл новую страницу в российско-японских отношениях. С этого времени торговые связи двух стран стали осуществляться как непосредственно на территории Японии, так и на Сахалине, в Приморье и других местах Дальнего Востока. Во внешнеторговые отношения были вовлечены коренные народы региона. Продукты их промыслов играли заметную роль в российском экспорте в Японию. Японский рынок поглощал значительные объемы моржового и китового промысла, рыбы и рыбопродуктов, морепродуктов, пантов марала, женшенья и т. д. Потребности внешней торговли приводили к переходу аборигенного населения Дальнего Востока к занятию иными промыслами, расширению меновой торговли с русскими купцами. Некоторые коренные народы Сахалина, Курильских островов, Камчатки одновременно взаимодействовали как с русскими, так и японскими торговцами. К концу XIX в. между Российской империей и Японией утвердились прочные и разносторонние внешнеторговые связи, рос взаимный интерес друг к другу, расширялась география внешнеторговых отношений. В новых условиях коренные народы Дальнего Востока находились в поиске собственной ниши в этих отношениях, возлагая особые надежды на меновую торговлю.

Несомненно, исследование хозяйственной деятельности, традиционных промыслов коренных народов Дальнего Востока, их опосредованного участия во внешнеторговых отношениях России и Японии требуют дальнейшего исследования. Кроме того, сравнительный анализ политики российских властей по отношению к инородцам и американских властей к коренным жителям США дает возможность сравнить разные подходы органов государственной власти некоторых стран к аборигенному населению, его участию во внешнеторговых связях. Таким образом, обращение к интересующей нас теме открывает новые перспективы в исторических исследованиях, определяет актуальность темы применительно к современным условиям кардинальных перемен в сфере международной торговли, смещения каналов поставок товаров, вовлечения регионов с компактным проживанием аборигенного населения во внешнеторговые отношения с сопредельными странами.

Библиографический список

- Айны или курильцы // *Энциклопедический лексикон*. Т. 1. Санкт-Петербург, 1835.
- Боголюбский И. Очерк Амурского края, южной части Приморской области и острова Сахалин в геологическом и горно-промышленном отношении. Санкт-Петербург: Типография В.П. Воленс, 1876. 91 с.
- Буссе Н.В. Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. Санкт-Петербург, 1872.
- Вагин В.И. Корейцы на Амуре // *Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах*. Т.1. Санкт-Петербург: Русская скоропечатня (П.С. Нахимова). 1875. 1008 с.
- Венюков М.И. Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Вып.1—2. Санкт-Петербург: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. 154 с.
- Восточные окраины России. Приморская и Амурская области // *Живописная Россия*. 1895. Т. 12. Ч. 2. 470 с.
- Глен П.П. Отчет о путешествии по острову Сахалин // *Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества*. Т.1: Исторические отчеты. Санкт-Петербург, 1868.
- Головнин В.М. Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина. Т. 2. 1864.
- Гребенчиков М.Г. В японском городе // *Наблюдатель*. 1896. № 8. С. 263—277.
- Забутин Н.П. О судоходстве на русском Дальнем Востоке. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1896. 193 с.
- История Русской Америки (1732—1867): В 3-х тт.: Т. III: Русская Америка: от зенита к закату (1825—1867) / отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. Москва: Международные отношения. 1999. 632 с.

Кириллов А. Негидалыцы // *Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей*. Благовещенск: Типография товарищества Д.О. Мокин и Ко. 1894. С. 268—269.

Кирилов Н. Айно (Предварительное сообщение) // *Сахалинский календарь*. Александровский: Типография о-ва Сахалин, 1898. С. 38—80.

Надаров И. Северно-Уссурийский край. Санкт-Петербург: Военная типография, 1887. 169 с.

Носков И. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1865. 61 с.

Покотилов Д.Д. Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Ч.1. Санкт-Петербург: Типография Ю.И. Эрлих, 1895. 158 с.

Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. Санкт-Петербург: Типография И.А. Ефрона, 1893. 283 с.

Шкунов В.Н. Торговые связи Российской империи и Кореи в XVIII—XIX вв. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 358—363.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т.1. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1883. 323 с.

References

Ainy ili kuril'tsy [Ainu or Kuril people]. (1835). In *Entsiklopedicheskii leksikon* [Encyclopedic Lexicon], Vol. 1. Saint Petersburg. (In Russian).

Bogolyubskii, I. (1876). *Ocherk Amurskogo kraya, yuzhnoi chasti Primorskoi oblasti i ostrova Sakhalin v geologicheskoi i gorno-promyshlennom otnoshenii* [An Outline of the Amur Region, the Southern Part of the Primorsky Region and Sakhalin Island in Geological and Mining-Industrial Terms]. Saint Petersburg: Tipografiya V.P. Volens. (In Russian).

Busse, N. V. (1872). *Ostrov Sakhalin i ekspeditsiya 1853—1854 gg.* [Sakhalin Island and the Expedition of 1853—1854]. Saint Petersburg: Tipografiya F.S. Sushhinskogo. (In Russian).

Glen, P. P. (1868). Otchet o puteshestvii po ostrovu Sakhalin [Sakhalin Island Trip Report]. In *Trudy Sibirskoi ekspeditsii Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. T.1: Istoricheskie otchety* [Proceedings of the Siberian Expedition of the Imperial Russian Geogrpahical Society. Vol. 1: Historical Reports]. Saint Petersburg. (In Russian).

Golovnin, V. M. (1864). *Sochineniya i perevody Vasiliya Mikhailovicha Golovnina* [Works and Translations by Vasily Mikhailovich Golovnin], Vol. 2. Saint Petersburg. (In Russian).

Grebenshnikov, M. G. (1896). V yaponskom gorode [In a Japanese City]. *Nablyudatel'* [Observer], 8, 263—277. (In Russian).

Istoriya Russkoi Ameriki (1732—1867). (1999). [The History of Russian America (1732—1867)]. T. III: Russkaya Amerika: ot zenita k zakatu (1825—1867) [Vol. 3: Russian America: From Zenith to Dusk]. Ed. by Academician N. N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Kirillov, A. (1894). Negidal'tsy [Negidals]. In *Geograficheskoye-statisticheskoye slovar'* *Amurskoi i Primorskoi oblastei* [Geographical and Statistical Dictionary of the Amur and Maritime Regions] (pp. 268—269). Blagoveshchensk: Tipografiya tovarishchestva D.O. Mokin i Ko. (In Russian).

Kirilov, N. (1898). Aino (Predvaritel'noe soobshchenie) [Aino (Preliminary Report)]. *Sakhalinskii kalendar'* [Sakhalin Calendar], 38—80. Aleksandrovskii: Tipografiya o-va Sakhalin. (In Russian).

Nadarov, I. (1887). *Severno-Ussuriiskii krai* [North-Ussuri Region.]. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. (In Russian).

Noskov, I. (1865). *Amurskii krai v kommercheskom, promyshlennom i khozyaistvennom otnosheniyakh* [Amur Region in Commercial, Industrial, and Economic Aspects]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian).

Pokotilov, D. D. (1895). *Kitaiskie porty, imeyushchie znachenie dlya russkoi trgovli na Dal'nem Vostoke* [Chinese Ports of Importance for Russian Trade in the Far East]. Part 1. Saint Petersburg: Tipografiya Yu. I. Erlikh. (In Russian).

Shkunov, V. N. (2015). Torgovyie svyazi Rossiiskoi imperii i Korei v XVIII—XIX vv. [Trade Relations Between the Russian Empire and Korea in the 18th — 19th Centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 17, 3 (2), 358—363. (In Russian).

Shrenk, L. (1883). *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya* [About the Aliens of the Amur Region]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian).

Sibir' i Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga. (1893). [Siberia and the Great Siberian Railway]. Saint Petersburg: Tipografiya I. A. Efrona. (In Russian).

Vagin, V. I. (1875). Koreitsy na Amure [Koreans on Amur]. In *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedenii o Sibiri i sopredel'nykh ei stranakh* [Collection of Historical-Statistical Data on Siberia and Neighboring Countries], Vol. 1. Saint Petersburg: Russkaya skoropechatnya (P. S. Nakhimova). (In Russian).

Venyukov, M. I. (1871). *Obozrenie Yaponskogo arhipelaga v sovremennom ego sostoyanii* [A Survey of the Japanese Archipelago in Its Present State]. Is. 1—2. Saint Petersburg: Skoropechatnya Yu. O. Shreiera. (In Russian).

Vostochnye okrainy Rossii. Primorskaya i Amurskaya oblasti. (1895). [The Eastern Outskirts of Russia. Primorsky and Amur Regions]. *Zhivopisnaya Rossiya*, 12 (2). (In Russian).

Zabutin, N. P. (1896). *O sudokhodstve na russkom Dal'nem Vostoke* [About Shipping in the Russian Far East]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma. (In Russian).

* * *

Bourgarel, G. (1891). Le commerce du Japon, son histoire et sa situation actuelle. *Rapports commerciaux avec la France (Memoires de la Societe sinico-japonaise)*, X, 89—108 and 156—175. Paris. (In French).

Brauer, L. (1873). Eine verkommene Hafenstadt (Niegata) in Japan. *Der Welt-Handel*, V, 534—536. Stuttgart. (In German).

Cullen, L.M. (2003). *A History of Japan, 1582—1941*. New York: Cambridge University Press.

Japanese Trade Statistics. (1877). *The Public*, October 25, 266.

Japan. Report or the Year 1886 on the Trade of Nagasaki. (1887). London: Printed for Her Majesty's Stationery Office.

Japon: Informes generals. (1888). *El Monitor de la Educacion Comun*, 141, 156—158. Buenos Aires. (In Spanish). Okura, Kinachiro. (1886). On Commerce (Translated from the Nichi Nichi Shinbun). *The Japan Weekly Mail*, July 10, 45—46.

Ravenstein, E. G. (1861). *The Russians on the Amur; discovery, conquest and colonization*. London: Trubner and Co.

Statistical Sketch of Japan. (1889). *The Board of Trade Journal*, VII (36), 100—104.

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 22 January 2025

Accepted: 23 April 2025